

УДК 1(091)

ЕВРОПЕЙСКИЙ ТОТАЛИТАРИЗМ: ИСТОКИ И СУЩНОСТЬ

Р.Н. Пархоменко

ФГАОУ ВО «Российский университет транспорта (МИИТ)», г. Москва

Анализируется возникновение и сущность тоталитарной идеологии, представленной в ее наиболее аутентичных версиях в Италии, Германии и Испании. Тоталитаризм в России и других странах при этом не рассматривается. Подчеркивается, что концепция тоталитаризма возникла не только как чисто политическая доктрина, которая должна была реформировать существующую политическую систему, но ее основными идеями было создание новых ценностей и мировоззрения для объединения всех людей в фашистском государстве в единое тоталитарное целое.

Ключевые слова: *тоталитаризм, фашизм, государство, общество, идеология, власть, господство, Италия, Германия, Испания.*

В настоящее время часто говорят о нарастании тоталитарных тенденций в разных сферах общества – в политической, экономической, культурной и других – причем в совершенно разных странах. Происходит усиление противоборства между процессами глобализации и национализации, когда все больше стран осознают свое национальное своеобразие и культуру и противопоставляют их глобализации, которая выгодна лишь очень немногим странам [1, с. 237–250]. Поэтому нарастает опасность торжества непопулярных решений в политике, таких, как проведение политики санкций, вмешательства в суверенную политику отдельных государств, тотальный контроль и слежка за гражданами как своей страны, так и других стран, применения идеологии двойных стандартов и т. п. Однако человеческая история уже продемонстрировала нам, какие опасности возникают, когда справедливые и демократические принципы отбрасываются в пользу политики тоталитаризма. Именно поэтому сегодня было бы небесполезно обратиться к самому понятию тоталитаризма, его возникновению и эволюции.

В данной статье хотелось бы обратиться к сущности и истокам тоталитарной идеологии в ее наиболее аутентичных версиях, представленных в Италии, Германии и Испании. Тоталитаризм в России и других странах при этом не рассматривается. Представляется, что такое ограничение поля исследования позволит наиболее полно и адекватно раскрыть суть тоталитаризма как европейского политического феномена XX в. При этом автор опирается на оригинальные тексты, многие из которых до сих пор не переведены на русский язык и не введены должным образом в научный оборот в нашей стране.

Хорошо известно, что концепция тоталитаризма была впервые использована Муссолини в речи 22 июня 1925 г., чтобы подчеркнуть регрессивный динамизм фашизма в Италии: «Мы хотим, чтобы итальянцы сделали выбор. Мы перенесли борьбу в такое четко видимое поле, что теперь есть только явные плюсы и минусы. И далее: эта цель, которая называется нашей неослабевающей тоталитарной волей (*la nostra feroce volontà totalitaria*), будет пресле-

доваться с еще большей безжалостностью. Мы хотим фашизировать нацию, чтобы завтра итальянцы и фашисты... были одним и тем же» [10, р. 262].

В то же время секретарь партии Роберто Фариначчи (1927) провозгласил программу *totalitario della nostra rivoluzione*. При этом особую роль играет прилагательное «totalitario» (тоталитарный) для того, чтобы подчеркнуть радикализм новой партии, которая имеет дело с «целым» народом, как это впечатляюще прозвучало в знаменитом лозунге Муссолини: «Все в государстве, ничего вне государства, ничего против государства» [10, р. 425].

Речь при этом шла о государстве – конечно же, фашистском государстве: «Для фашиста все находится внутри государства, и ничего человеческого или духовного не существует – или не имеет никакой ценности – вне государства. В этом смысле фашизм тоталитарен» [10, р. 119].

Муссолини и его движение были заинтересованы «в эти годы», как справедливо отмечает Шланген, консолидировать и без того «покоренную власть», т. е. они «институционально укрепить» посредством того, что политические «противоположности» – где и в чем бы они до сих пор не проявлялись – были бы эффективны либо выключены, либо же были включены в общую политику «всего» государства: «Концепция тоталитаризма, используемая Муссолини для характеристики политической активности его фашистского движения, в равной степени применима и к тоталитарной идеологии нового государства» [18, р. 12].

Сначала Муссолини использовал термин «totalitario» только для обозначения политического стиля, характеризуемого более высокой степенью радикализма и революционной нетерпимости; речь не шла при этом о чем-то вроде новой формы государственного правления. Соответственно в исследованиях, касающихся итальянского права, есть некоторые рассуждения о «динамическом аспекте» тоталитаризма, и Янике подчеркнул, что «понятие тоталитарного... уже указывает у Муссолини не только на властную структуру стиля управления государством, но и обнаруживает его специфическую динамику власти» [7, р. 22].

Для самого Муссолини термин «totalitario», таким образом, не имел никакого отрицательного значения. Хотя он явно выступал в своей доктрине против демократических и либеральных идеологий, он утверждал главным образом националистические основания фашизма и указывал на революционный характер своей партии. Главной особенностью фашизма, по мнению Муссолини, было значение воли к власти, его отношение к насилию. Само государство он рассматривал как волю к власти и господству. Экспансия определенного народа должна была показать жизнеспособность нации, но это не обязательно следует понимать как негативную агрессию.

Помимо этого, Муссолини, как так называемый «дуче», безусловно, также лично претендовал на свою абсолютную роль в государстве. Уже в 1929 г. бывший либерал Джованни Джентиле назвал государство во главе с Муссолини тоталитарным, потому что «он сконцентрировал все силы нации в идее одного человека, который способен сплотить нацию, поскольку он обладает осознанием себя как личности и своей сильной воли. Он не может оставить никаких умственных или материальных сил вне круга своего рассмотрения; и поскольку он пытается соединить и упорядочить интеллектуальные элементы

(искусство, наука, религия), он также должен был заниматься и вопросами экономической деятельности» [3, р. 81].

Для Джентиле это государство имело «абсолютную моральную ценность» [18, р. 35]. Не в последнюю очередь благодаря этому тезису Джентиле стал важным теоретиком (или идеологом) фашистского движения в Италии и в мире. Однако даже тогда утвердительное противостояние между «тоталитарным» и «политическим» резко критиковалось противниками фашистской идеологии. В 1925 г. социалист Лелио Бассо под псевдонимом *Prometeo Filodermo* указал на опасности тоталитарного понимания государства у фашистов: «Фашистское государство не ограничивается поддержанием установленного порядка... в котором оппозиционные силы обладали бы возможностью подготовить новую форму социального сосуществования; фашистское государство представляет весь народ и отрицает существование независимых или противоположных политических течений, и, если же оппозиционное течение вдруг появляется, фашистское государство пытается его тут же безжалостно уничтожить...

Таким образом, фашизм раскрывает все свои принципы: угнетение всех противоположностей во имя высшего блага нации. Это приравнивается к государству и должно совпадать с волей держателей власти (фашистским государством). Это состояние – Слово, и его лидер, кажется, послан Богом, чтобы спасти Италию. Он выглядит как абсолютный и непогрешимый... Учитывая эти принципы, государству разрешено все; каждое противостояние фашизму на самом деле является предательством нации; каждое фашистское преступление оправдано его национальными целями» [16].

Для нас особенно важно указать на тот факт, что концепция тоталитаризма Бассо впервые появляется в привычной субстанциональной форме «-изма»: «Все государственные органы, корона, парламент, юриспруденция, вооруженные силы становятся инструментами одной партии, которая становится толкователем народной воли, и, таким образом, создается тоталитарное государство» [16].

Амендола в речи от 15 июня 1925 г. подчеркнул дикий радикализм и «навязчивую тоталитарную волю» этого движения: «Фашизм никогда не участвовал в политическом сотрудничестве, никогда не соглашался разделить ответственность за управление государством (с другими политическими силами) и, таким образом, ослабить свои целостные представления о сущности итальянской политики» [2, р. 225]. Амендола сравнивал фашизм с «великой армией», которая «завоевывает Италию и подчиняет себе целое государства, используя все источники власти государства, а также частную власть, чтобы удержать итальянцев в подчинении и рабстве» [2, р. 225].

Позже он говорит о «крупномасштабной» попытке «полностью изменить основы, на которых основывается жизнь европейских народов на протяжении более столетия», и, наконец, прямо упоминает фашизм и коммунизм как «две мыслительные группы, две противоположные политические идеи, которые, однако, обе отрицают либерально-демократическое государственное устройство и которые в унисон угрожают свергнуть более чем столетние основы современной политической жизни» [2, р. 237].

Эта позиция демонстрирует то, что условно называется реакцией на либеральные и демократические идеи. Таким образом, еще в 1920-х гг., в рам-

ках критики «реально существующего» фашизма в Италии проводился анализ идей фашизма и коммунизма с использованием понятия «тоталитарный». Обращение к выдающейся политической теории начала современной эпохи в работах Амендолы показывает весь потенциал этого аналитического подхода: «Фашизм, несмотря на его реакционный характер, следует догмату государства Левиафана, рожденного якобинизмом. Фашизм представляет собой, прежде всего, преувеличение вмешательства исполнительной власти в государственную и общественную жизнь, которое приводит к “перевороту” нормальных отношений между государством и обществом, так что общество начинает существовать для целей государства, государство – для целей правительства, а правительство – для целей партии» [2, р. 246].

Важным моментом в итальянском фашизме (как позже в социализме Советского Союза) было требование изменить не только внешнеполитические формы правления, но и сознание людей. Ярким свидетельством притязаний на «внутреннюю жизнь» граждан является речь, произнесенная 28 февраля 1926 г. во Флоренции членом управления партии. Спикером был Роберто Форджес Даванзати: «Если оппоненты говорят нам, что мы тоталитарные, доминиканские, непримиримые, тиранские, то тогда не пугайтесь этих прилагательных. Примите их с честью и гордостью... Не отвергайте ни одного! Да, мы тоталитарные! Мы хотим быть такими с утра до вечера, не отклоняясь от этих мыслей <...> Мы хотим быть доминиканцами <...> Мы хотим быть тиранами» [5, р. 39–40].

Концепция тоталитаризма, таким образом, возникла не только как чисто политическая доктрина, которая должна была реформировать существующую политическую систему, но ее основными идеями было создание новых ценностей и мировоззрения для всех людей в фашистском государстве. Некоторые авторы, например Петерсен, думают, что тоталитарная концепция «представляет собой последний акт в процессе формирования сознания, с помощью которого антифашистско-демократическая оппозиция объясняла возникающую новую политическую реальность и идеи зарождающейся фашистской диктатуры. Сам термин “тоталитарный” возник как квази-технический термин в процессе злоупотребления выборами, практикуемыми фашистами на муниципальных и провинциальных выборах в Италии в 1923 г.» [14, р. 109].

Однако уже в конце 1923 г. концепция тоталитаризма также получила и свое теоретическое обоснование у Амендолы и Стурсо, когда они определили «наиболее важную характеристику фашистского движения». Для нас важно отметить то, что новая политическая доктрина довольно быстро распространилась почти во всей Европе и, по мнению Йенике, «после того, как Муссолини также определил национал-социалистический режим как унитарный, авторитарный, тоталитарный, сам термин “тоталитарный” становится общим понятием в политике и политических науках» [7, р. 29].

Для нас это означает, что термин «тоталитаризм» отныне может использоваться и для характеристики других политических систем. Так, например, в 1931 г. Карл Шмитт впервые назвал Германию «тотальным государством» [19]. В период Веймарской республики политические взгляды Шмитта можно охарактеризовать как умеренный национализм. Эта «умеренность» проявлялась в том, что, в отличие от многих немецких интеллектуалов того времени, он не противопоставлял Германию как страну высокой духовной

культуры бездуховному материалистическому Западу. Следует отметить, что для Шмитта Германия оставалась интегральной частью западноевропейской цивилизации. Видимо, сказывалось то обстоятельство, что Шмитт ощущал себя «римлянином», сказывался и католический универсализм.

В это время в поле его научных интересов попадают понятия «диктатуры», «суверенного решения», «отношения друг–враг» и др. Уже тогда Шмитт выступает апологетом сильного государства и остро критикует правительство и политику Веймарской республики. Критике подвергаются как парламентаризм и политический плюрализм «западного» толка, так и максимы либерального гражданского общества и государственный правовой позитивизм. В его сочинении «Диктатура» (1921) уже видно будущее направление движения мысли Шмитта: здесь проявляется мыслитель, исследующий собственную область политического, ставящий во главу угла проблему чрезвычайного положения, суверенного решения, указывающий на слабости и противоречия западной либеральной парламентской демократии. Можно предположить, что радикальные события того смутного времени в Германии – социалистическая революция в Мюнхене в 1919 г., жестокая расправа над участниками этого выступления, гражданская война – и способствовали возникновению у Шмитта идеи о необходимости создания сильного авторитарного государства, способного стать гарантом социальной стабильности – а такие воззрения напрямую ведут к идеологии тоталитаризма.

Другая работа Шмитта «Политическая теология», опубликованная сразу же после «Диктатуры», содержит в себе концептуальную идею о политике; в ней говорится о том, что политическая теология должна быть «метафизическим ядром» политики. В «Политической теологии» у Шмитта впервые появляется и обосновывается теория децесионизма (Decision (фр.) – решение) направленная на оправдание принятия самых радикальных решений в политике в исключительных ситуациях. Шмитт здесь противопоставляет децесионизм праву и нормативным актам законности в государстве.

И если в итальянском фашизме использование общего было определено «реально существующим» социальным порядком, то Шмитт использовал этот термин для описания фазы распада Веймарской республики [20; 22]. Итак, первоначально понятие тоталитаризма использовалось в Германии для обозначения кризиса системы либерализма в Германии. При этом Шмитт разъясняет процесс возникновения феномена тоталитарного государства посредством общественной динамики, благодаря которой государство в своем развитии проходит три стадии.

Формирование и развитие тоталитарного государства начинается тогда, когда возникает «абсолютное государство», на следующей стадии «либеральной» стадии, которая пришлась на XIX столетие, усиливаются процессы демократизации и коллективизма, последовательно ведущих в итоге к формированию особого типа господства, когда власть концентрируется в руках фюрера. При этом сначала возникает такое государственное устройство, когда тоталитарные тенденции нарастают в экономике и культуре, а не в сфере политики. Шмитт подчеркивает, что «коллективизация» и «тотализация» общества в конце концов приводят и к тоталитаризации правительства.

Для возникновения феномена тотального государства важно не только неограниченное увеличение полномочий правительства, но и нарастание в

государстве роли техники: «Итак, за формулой тотального государства скрыто признание того факта, что сегодняшнее государство имеет новые средства господства и власти неограниченной интенсивности... Поэтому тотальное государство в этом смысле является тотальным в смысле качества и энергетики власти, которые фашистское государство обозначает как *«stato totalitario»*. Такое государство в принципе не допускает возникновения внутри себя появления сил, способных противостоять, подавлять или же расчленять тоталитарное государство» [21, р. 67].

Таким образом, Шмитт подчеркивает, что во время Веймарской республики возникло т. н. «качественное тоталитарное государство», которое подчинило себе безоговорочно все сферы государства, и в Германии возникла новая система господства, которая стала «качественно» тоталитарной – и это существенное отличие от государств авторитарного типа правления. И если ранее «неполитические» сферы государства, такие, как экономика, наука, культура и т. д., – находились под сенью и защитой политических решений системы, то «качественно» тотальное государственное устройство требует от всех и вся выражения своей четкой позиции в терминах «друг–враг» по отношению к тотальному государственному устройству. Следует отметить и тот малопривлекательный факт, что отличительной чертой биографии Шмитта стало то, что он не только продемонстрировал лояльность к нацистскому режиму, но и активно защищал его действия и идеологию. Так, он пытался оправдать расправу Гитлера над своими противниками 30 июня 1934 г., вошедшую в историю под названием «путча Рема». 15-го августа 1934 г. в газете *Deutsch Juristen-Zeitung* Шмитт публикует статью «Фюрер защищает право», где он говорит о полной легитимности акции Гитлера по убийству своих противников. В это же время Шмитт пишет и две большие теоретические работы: «Государство, движение, народ» (1933) и «О трех видах правового мышления» (1934).

Йенике усматривает в позднее возникшей связи между понятиями «тотального государства» и «тотальной войны» выражение внутривнутриполитического расщепления на «друзей–врагов», которое и описал Карл Шмитт в своей работе, посвященной понятию политического. Идеи о возможности этого четкого внутривнутриполитического расщепления на «друзей–врагов» можно найти еще у одного из представителей течения консервативной революции в Германии Эрнста Юнгера в его концепции «тотальной мобилизации [*die totale Mobil-machung*]

В действительности же в своей концепции тотальной мобилизации Юнгер пытался описать индустриальное общество в терминах современной войны: «Мы наблюдаем, как во многих государствах в послевоенное время новые методы вооружения уже адаптированы для тотальной мобилизации. Поэтому в них могут приниматься такие решения, как радикальное уничтожение любого намека на такое понятие, как индивидуальная свобода – как в России и Италии, тенденция развития которых состоит в том, что не должно быть ничего, что не может пониматься в качестве функции жизнеобеспечения тотального государства» [8, р. 15].

Дальнейшее развитие идеи тотального государства в Германии шло в направлении углубления констелляции «друг–враг» – так Форстхофф говорил уже о «тотальном приятии любого признака для нации», которая отменяла

«частный характер отдельного индивида» в обществе. Также Геббельс в своей речи, прочитанной 7 ноября 1933 г., четко говорил о том, что целью национал-социалистической революции в Германии является создание «тотального государства, передача в руки государства всей общественной жизни и порабощение всех частных и общественных связей» [4, р. 285–286].

Следовательно, в германском фашизме государство выполняло инструментальную функцию для реализации всеобъемлющих идей – и не согласно взглядам своих противников, а согласно собственным заявлениям. Нацистский «теоретик» Розенберг обозначил цель немецкого фашизма следующим образом: «Главное – это не так называемая тотальность государства, а тотальность национал-социалистического движения, следовательно, необходимо говорить уже не о тотальном государстве, а о целостности (тотальности) национал-социалистического мировоззрения, НСДАП как носителя этого мировоззрения и о национал-социалистическом государстве как инструменте [для достижения данных целей]» [17]. И для самого фюрера государство было, без всякого сомнения, «средством для достижения цели» по «сохранению расового существования» [6, р. 421–422].

Гитлер говорил в основном о «народном государстве», но выражение «тотального государства» появляется, например, в речи адвокатов в год захвата власти. В некотором смысле первые «дебаты о тоталитаризме» начались именно в то время. Национал-социалистический последователь конституционного права Коллройттер, который публично выступил против идей Шмитта и Форстхоффа о тотальном государстве, подчеркнул, что «немецкое государство фюрера» было не фашистским, а немецким государством, что указывает на приоритет расового вопроса в государственной политике. По словам Йенике, разница между политической теорией итальянских фашистов и германскими национал-социалистами заключается в следующем: «Итальянско-фашистская политическая теория приобрела реалистически-эмпирическую черту благодаря победе партийных идеологий, в то время как в Германии впоследствии использовалась все более неуместная и изощренная фразеология. В то время как в Италии фашисты расчищали путь для сравнительного изучения новых партийных диктатур и им просто мешали противники учения о диктатуре Карла Шмитта» [7, р. 43–44].

В этом контексте можно увидеть понятие «тотальной войны», часто используемое в нацистской Германии, которое восходит к Людендорфу (1935). Это понятие отстаивает «право сильнейших» определять все человеческие ценности и формировать мировоззрение и, следовательно, также «обосновывать» экспансионистские цели Третьего рейха, которые обращены на расово мотивированные попытки достичь «окончательного решения еврейского вопроса» посредством политики физического истребления евреев. Как это и обозначает Карл Шмитт под заголовком «Тотальный враг, Тотальная война, Тотальное государство», который на самом деле обещает все?

«Война лежит в основе вещей. Характер тотальной войны определяет характер и форму тотальности государства» [19, р. 236].

Разумеется, это означает, что идеология «тотальной войны» придает «тотальному государству» его истинное «значение» и предписывает его конкретный потенциал развития.

Таким образом, оппозиция «друг–враг» стоит в центре германской версии пропагандируемой тотальности или же тоталитаризма и именно в этом пункте отличается от итальянской концепции *stato totalitario*. Для Джованни Джентиле (1875–1944), виднейшего теоретика итальянского фашизма, «тотальное государство» было прежде всего антиплюралистическим государством: все плюралистические институты должны были быть уничтожены, чтобы нация могла проявиться как единое целое в своем чистом виде. Для германского национал-социализма идея политического народа, «национального сообщества» была очень важной, равно как и противопоставлением друга и врага как значения и внутренней «силы» государства, поскольку импульс движения играл большую роль в немецком фашизме – это касается достижения желаемой «количественной» тотальности. Йенике отмечает в этой связи следующее: «Это антиплюралистическое и децизионистское (от лат. *decision* – «я решаю» – т. н. «теория решения», разработанная Шмиттом, как фундаментального момента проявления политического и главной инстанции для становления, изменения или укрепления правовой системы. – Р.П.) государство власти фюрера через воинственный критерий дискриминации друзей и врагов получает все качества, которые делают его инструментом тотальной войны» [7, р. 48].

Таким образом, вместо «тоталитарного режима» революционной партии, как это называлось в Италии, в Германии говорится уже о «тотальной войне». Это было одним из существенных различий между немецкой и итальянской фашистской идеологиями.

Концепция тоталитаризма использовалась и развивалась позитивно не только в Италии и Германии, но и в Испании. В середине 1939 г., после окончания гражданской войны в Испании, в которой победил генерал Франко, и незадолго до нападения Германии на Польшу, с которого началась Вторая мировая война, эти три государства представляли собой мощный фашистский блок в Европе того времени, а Италия и Германия даже поддержали Франко в его войне против Испанской республики. Ввиду идеологических различий между германским и итальянским вариантами тоталитаризма, представляется разумным взглянуть и на его испанский вариант.

Хотя испанская концепция *estado totalitario* имеет много общего с итальянской версией фашизма, существуют также специфические черты испанского фалангизма. В программе ультраправой политической партии Фаланги, опубликованной в ноябре 1934 г., записано следующее: «Наше государство должно быть тоталитарным инструментом на службе иммунитета Отечества. Все испанцы должны участвовать в нем через семью, общество и профессию. <...> Партийная система со всеми вытекающими отсюда последствиями – неорганическое избирательное право, принятие решений боевыми группами в парламенте известного типа – неуклонно отменяется» [11, р. 164].

Эта доктрина была разработана Хосе Антонио Примо де Ривера, основателем Фаланги. Инструментальную особенность своего учения Примо де Ривера объяснял так: «Обожествление государства – это полная противоположность тому, что мы хотим [достигнуть]» [15, р. 45].

По его мнению, личность и государство должны быть сплочены в «тотальной гармонии».

Лидер испанской партии Франко также говорил о «сознательном и тоталитарном государстве сената» (*estado misional y totalitario*), а его зять Серрано Суньер превозносил фашистскую доктрину в Испании как «*concepto de estado totalitario*» во время гражданской войны. В качестве идеологической основы в Испании в это время были переведены и опубликованы наиболее значимые концепции «тоталитарного государства» в смысле Франко. Кроме того, политическая пропаганда на основе идеологии сыграла важную роль в Испании. В результате стали широко доступны теоретические исследования о *Estado Totalitario*.

Идеология партии Фаланга – это реакция на установки демократии. Она касается трех основных принципов: единства, тотальности и подлинности, которые должны были быть реализованы посредством деятельности «революционной партии». Поэтому в испанском фашизме, с одной стороны, можно увидеть пример типа тоталитарного правления, основанного на очень абстрактной и «статической антимодели» либеральной системы, ибо тоталитарное государство «побеждает» все политические, социальные, экономические и революционные антагонизмы.

С другой стороны, если говорится о том, что Новая революция проявляет себя через свой «тоталитарный характер», необходимо выяснить, используется ли при этом слово «тоталитарный» в том же самом смысле. Ибо жесткая диктатура отдельной партии, основанная на «реальных структурах власти и конкретных “революционных” процессах, не должна быть статичной, но может быть очень динамичной» [13, р. 72]. Это зависит от того, что в первую очередь можно назвать тоталитарным: либо определенный тип государственного заказа, либо способ его реализации. Это не различается и термин «тоталитарный» иногда относится и к новому государственному порядку, который является статичным в том, что одна партия обладает монополией власти, а иногда – к своей «революционной диктатуре» в переходной фазе по достижении желаемого стабильного порядка. Тогда может возникнуть противоречивое впечатление того, что статика и стабильность, с одной стороны, и динамизм и изменчивость – с другой, характерны для тоталитаризма. Однако на самом деле Йенике просто различает два разных аспекта в концепции тоталитаризма [7, р. 54]:

1. Когда этот термин характеризует тот или иной государственный порядок, речь идет прежде всего о понимании структуры государства в обществе. Йенике называет это статическим компонентом концепции.

2. Однако когда термин «тоталитаризм» характеризует конкретный властный процесс, речь идет не столько о структурах тоталитарного государства, сколько о различных фазах, из которых состоит любой сложный процесс. Йенике называет это *динамической* составляющей понятия тоталитаризма.

Это различие представляется особенно интересным. Поскольку Йенике пытается здесь ввести теоретико-систематический анализ в дебаты о тоталитаризме, в то время как многие тоталитарные исследователи обычно предлагают только исторический и эмпирический срезы проблемы.

Если следовать логике Йенике в анализе концепции тоталитаризма, то доктрина Переса и Серрано может быть описана как *динамическая* версия тоталитаризма. Для них партия является основной частью нового общества, которое «по принуждению обстоятельств» или же, по крайней мере, в переход-

ный период обязательно является «тоталитарным и диктаторским». Здесь неясно, является ли такая партийная диктатура решающей только для переходного этапа или нужна ли эта модель для осуществления «перманентной революции». Важно то, что в испанском фашизме инструментальная роль партии всегда имела большое значение. Маноилеску отмечает в этой связи следующее: «Срок жизни одной партии зависит от срока ее службы» [9, р. 14].

Он подчеркивает важность однопартийного режима. Перес и Серрано рассматривают захват власти и равенство как задачи «революционной партии», которые назывались ими «постоянными» функциями. Не государство, а партия должна была создать «совокупность» нового порядка и поддерживать его.

Но это было сказано только в теории. В Испании партия Фаланга была, скорее, карикатурой партии, проанализированной в своих работах Пересом и Серрано. Она не оказывала большого влияния на политическую линию Франко, а в теории испанского тоталитаризма были использованы главным образом идеи итальянских и германских фашистских доктрин. Однако уже с 1942 г. развивается критика фашизма и национал-социализма и в Испании.

В 1943 г. Мартинес де Бедоя публикует статью «Большевизм, итальянский фашизм, немецкий расовый социализм», в которой он пытается назвать в заголовке режимы отграничить от режима Франко [12, р. 16]. Кроме того, позднее концепция тоталитаризма в Испании была проанализирована как негативное учение, которое служило для отграничения от фашистских и национал-социалистических идей. Таким образом, Йенике справедливо резюмирует: «Политический характер концепции тоталитаризма, его идеологическая функция в контексте внешнеполитических концепций, нигде не был продемонстрирован более ярко, чем во франкистской Испании» [7, р. 59], что демонстрирует для нас тот факт, что тоталитаризм никогда не был однородным явлением – в каждой из стран, попавших под влияние идеологии тоталитаризма, была представлена своя «версия» тоталитарного государственного устройства, наиболее полно отражавшая особенности менталитета и культуры данной страны.

Россия в этом отношении также не стала исключением, где идеи марксизма в сочетании с радикализмом и склонностью русского человека к идеализированию и романтизации повседневной реальности, пассивностью в повседневной жизни, склонностью к аффектам и субъективирующим описаниям, а также недостаточности рационального элемента в мышлении привели к созданию тоталитарного режима, просуществовавшего гораздо большее время, чем, к примеру, в Италии, Германии или же Испании. Как мы видим, склонность к принятию однозначных решений в политике и к максимализму в мышлении и повседневном поведении является следствием влияния традиций «политического» романтизма, о котором так много писал Карл Шмитт и который ни к чему хорошему в реальной жизни не приводит.

Однако обращение к истории человечества и истории политических учений способно помочь людям не совершать подобные ошибки вновь. По крайней мере, очень бы хотелось на это надеяться.

Список литературы

1. Пархоменко Р.Н. Идея свободы в консервативной интеллектуальной традиции: Россия и Германия. монография. М.: Ленанд, 2014. 296 с.
2. Amendola G. Opere di Giovanni Amendola. Milano / Napoli, 1951-60. 322 p.
3. Gentile G. Grundlagen des Faschismus. Koeln, 1936. 97 p.
4. Goebbels J. Signale der neuen Zeit, 3. Aufl., München, 1937. 556 p.
5. Davazati R. Fascismo e cultura. Florenz, 1926. 41 p.
6. Hitler A. Mein Kampf [1925], München, 1934. 781 p.
7. Jaenicke M. Totalitaere Herrschaft. Anatomie eines politischen Begriffs. Berlin, 1971. 282 p.
8. Jünger E. Die totale Mobilmachung // Jünger E. (Hg.) Krieg und Krieger. Berlin, 1930. 203 p.
9. Manoilescu M. Die einzige Partei als politische Institution der neuen Regime [1936]. Berlin, 1941. 311 p.
10. Mussolini B. Opera omnia. Florenz, 1956. 160 p.
11. Nellessen B. Die verbotene Revolution. Aufstieg und Niedergang der Falange. Hamburg, 1963. 214 p.
12. Parkhomenko R. Cassirers politische Philosophie: Zwischen allgemeiner Kulturtheorie und Totalitarismus-Debatte. Karlsruhe: Universitätsverlag Karlsruhe, 2007. 286 p.
13. Pérez Juan Beneto / José M. Costa Serrano. El Partido. Zaragosa, 1939. 432 p.
14. Petersen E. Die Entstehung des Totalitarismusbegriffs in Italien, in: Totalitarismus im 20. Jahrhundert. Eine Bilanz der internationalen Forschung. Baden-Baden, 1996. 624 p.
15. Primo de Rivera Jose Antonio. Der Troubadour der spanischen Falange. Auswahl und Kommentar seiner Reden und Schriften von B. Nellessen. Stuttgart, 1965. 117 p.
16. Prometeo Filodermo [d.i. Leilo Basso] L'antistato // La Rivoluzionero Liberale, 2.1. 1925.
17. Rosenberg Alfred. Totaler Staat? // Völkischer Beobachter. 1934. V. 9. 1.
18. Schlangen W. Die Totalitarismus-Theorie. Entwicklung und Probleme. Stuttgart/ Berlin/ Koeln/ Mainz, 1976. 168 p.
19. Schmitt C. Die Wendung zum Totalen Staat // Positionen und Begriffe im Kampf mit Weimar – Genf – Versailles 1923-1939. Hamburg, 1940. 364 p.
20. Schmitt C. Der Hueter der Verfassung. Tübingen, 1931. 264 p.
21. Schmitt C. Weiterentwicklung des totalen Staates in Deutschland // Europäische Revue, 9. Jg., H. 2, Februar 1933. 618 p.
22. Ziegler H. O. Autoritaerer oder totaler Staat. Tübingen, 1932. 43 p.

EUROPEAN TOTALITARISM: ORIGINS AND ESSENCE

R.N. Parkhomenko

Russian University of Transport (МИИТ), Moscow

The article analyzes the emergence and essence of the totalitarian ideology, presented in its most authentic versions in Italy, Germany and Spain. Totalitarianism in Russia and other countries is not considered. It is emphasized that the concept of totalitarianism arose not only as a purely political doctrine, which was supposed to reform the existing political system, but its main idea was the creation of new values and world view able to unite all people in a fascist state into a single totalitarian whole.

Keywords: *totalitarianism, fascism, state, society, ideology, power, domination, Italy, Germany, Spain*

Об авторе:

ПАРХОМЕНКО Роман Николаевич – доктор философских наук, доцент кафедры «Философия и культурология» ФГАОУ ВО «Российский университет транспорта (МИИТ)», г. Москва. E-mail: parkhomenkor@mail.ru

Author information:

PARKHOMENKO Roman Nikolaevich – PhD, Assoc. Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies of the Russian University of Transport (МИИТ), Moscow. E-mail: parkhomenkor@mail.ru